

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бобрин Александр Анатольевич

канд. филос. наук, доцент

Институт искусств ФГАОУ ВПО РГППУ

г. Екатеринбург, Свердловская область

**«ТРАДИЦИЯ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНСТИТУТ И
МИФО–ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ**

***Аннотация:** в отечественной науке и культурной практике понятия «традиция», «традиционная (народная) культура» наделялись почти священным смыслом. Сложившаяся инерция оценочного отношения к традиции, закрепления за нею однозначно трактуемого образного ряда порождает культурные практики, в действительности игнорирующие традицию, приводит к появлению фантомных артефактов и симуляций «старины». В действительности, традиция не тождественна историческому наследию, а есть лишь отобранная историческая память, результат актуального выбора.*

***Ключевые слова:** традиция, модернизация, традиционное общество, «конструирование прошлого».*

В общественно–политических выступлениях, научных дискуссиях и литературе в различных композициях и контекстах встречаются тавтологичные сочетания «культурные традиции» и «традиционная культура», «культурное наследие» и «наследование культуры», «наследники традиций» и «традиции наследования». Своего рода облако смысла, которое стремиться быть «нашим всем», и обозначать всё хорошее, что нам следует взять в завтра, и в котором понятия «традиция», «культура» и «наследие» заменяют, подменяют, теснят друг друга.

Очевидно, что, понятие традиции утяжелено идеологической нагрузкой, разнообразием значений, возникающих в бытовом, публицистическом и научном употреблении. Оно ценностно не–нейтрально, точное значение слова теряется в личностно–эмоциональном отклике, которое оно вызывает и общественном пафосе, который ангажирует это слово.

В профессиональном дискурсе «традиция» прочно ассоциирована с общественной формацией, где она доминирует, служит синонимом слова «культура», лежит в основе социальных институтов и систем жизнеобеспечения, и даже даёт имя самой формации – «традиционное общество».

В традиционном обществе традиционная культура (т.е. культура, «геномом» которого является традиция) обнаруживает себя как тотальная сила, которая «определяет и нормирует все аспекты жизнедеятельности этноса: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов сообщества, тип семьи, социализация детей, характер жилища, освоение окружающего пространства, тип одежды, питания, отношения с природой, миром, предания, верования, поверья, знания, язык, фольклор как знаково–символическое выражение традиции» [4, с. 39].

Традиционное общество понимается как тип социальной организации, радикально отличной от общества современного, характеризуемый замедленностью изменений, если не полным их отсутствием. Вторая его черта заключается в том, что оно предъявляет к своим членам совершенно иные требования, и главное из них – полностью подчинять личную интеллектуальную и социальную инициативу авторитету традиции.

В рациональном дискурсе Нового Времени и Просвещения формируется установка на рациональность и прогресс, и понятие «традиция» занимает место противоположного члена в бинарных оппозициях «традиция и современность», «традиция и новизна», «традиция и прогресс», при этом традиция исключается из рационального опыта. Знание «по традиции» понимается как знание недостоверное, не эмпирическое, не полученное опытным путём, а путь совершенствования человека мыслителям видится возможным при отказе от традиционности и разрушении стесняющих рамок традиционных сообществ. Вплоть до начала XX века традиции служили мыслителям оппозицией в противопоставлении прогрессу, модернизации, рациональности.

Дальнейшее осмысление традиции протекает в трех основных руслах:

– последовательное отрицание рациональных элементов традиции и цен-

ности для прогресса, поскольку логика индустриального развития требует замены традиции как социального ориентира ориентацией на общечеловеческую рациональность;

– апологетика традиции как спасительно консервативного и стабилизирующего фактора общества;

– поиск элементов рациональности в механизмах традиции, обнаружение способов интеграции традиции в современности.

Польский исследователь Шацкий выделяет три подхода к определению, что такое традиция. Первый, *функциональный*, когда в центре внимания оказывается *функция передачи* от поколения к поколению тех или иных ценностей данной общности. Второй, *объективный*, когда внимание обращается на то, *что именно подлежит передаче*. И третий, *субъективный* подход, когда в центре внимания – отношение данного поколения *к прошлому*, его согласие на наследование или протест против этого [6, с. 92].

На первый взгляд очевидно, что традиционная культура *это способ организации жизни в традиционном обществе, где традиция является основным механизмом передачи и сохранения культурно и социально значимой информации*; и что стадиально–хронологически традиционное общество предшествует современному и им сменяется. Вопрос о хронологических границах этой «смены» – второстепенен и зависит от того, что исследователь считает в качестве необходимых и достаточных условий этой смены. Такое понимание характерно и для западных исследователей, и для отечественных, за той лишь разницей, что в России и Советском Союзе отношение к традиции было и остается идеализированным и ностальгическим.

Основная роль традиции в традиционном обществе – быть «главным способом передачи социального опыта из поколения в поколение, социальной связью, подчиняющей себе личностное развитие человеческих индивидов» [4, с. 539]. Традиция понимается как примитивный (и в смысле «первый», и в смысле «несложный») инструмент социального регулирования и конструирования, она «формируется в процессе непосредственной коллективной деятель-

ности людей по освоению природной среды, выступая тем собственно социальным фактором, который, во–первых, обеспечивает процесс адаптации социума к условиям среды и, во–вторых, выполняет роль первичного регулятора отношений между членами социума» [4, с. 539].

Традиции в социальной жизни приводятся в однозначное соответствие средствам стабилизации, и, следовательно, будучи ориентированы на консервацию социальных норм и форм, противостоят новациям, модернизации и, в конечном итоге, – современности. Под традицией понимается совокупность «объектов и идей, истоки которых коренятся в прошлом, но которые можно обнаружить в настоящем, т.е. это все то, что не было уничтожено, выброшено и разбито. В данном случае традиция равносильна наследию – тому, что реально сохранилось от прошлого» [7, с. 96].

В западной науке XX в., в соответствии с эволюционистскими и прогрессистскими установками социологов и антропологов, вслед за М. Вебером, традиция, как препятствие модернизации наделялась негативными признаками. В традиционалистском этосе, по Веберу, отсутствуют мотивы к повышению производительности и приумножению капиталов, традиционализм скрыто или явно сопротивляется повышению интенсивности человеческой деятельности и прогрессу. Традиционными принято называть различные общества, рассматривающиеся как некие застывшие формы, которые изменяются только под воздействием внешних обстоятельств. Сюда включаются «примитивные бесписьменные общества, племенные федерации, патримониальные, феодальные, имперские системы, города–государства и т. п.» [8, с. 151]. Традиционное общество охватывает ряд формаций вплоть до начала развития индустриального общества. Традиционное общество противостоит прогрессу и разрушается под его напором. Развитие торговых, экономических контактов между людьми, возникновение машин и индустриальной технологии, распространение универсальных средств общения приводят к разрушению основ и, в конечном итоге, самого традиционного общества.

Поскольку интерес исследователей сосредотачивался на проблемах модер-

низации, традиционные черты определялись главным образом в негативных терминах, как оппозиция модернизации. Однако в шестидесятых годах XX века взгляд на традицию как на застывшую форму был поставлен под сомнение. В работах западных социологов и политологов намечается переход от статического рассмотрения традиции к ее динамическому рассмотрению. «Возникает взгляд на традицию как категорию, призванную охватить все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры. Понятие «традиция» все четче отделяется от понятий «обычай» и «обряд» как более общее, собирательное... Представлений о традиции по всем важнейшим аспектам – по вопросу о пределах ее устойчивости, сфере действия, функциях и т.д. – существенно расширяется и углубляется» [2, с. 22–23].

Одним из важных выводов было заключение о реверсивной природе традиции, о том, что «именно отношение современников к объектам или идеям прошлого позволяет ту или иную часть исторического наследия включать в содержание категории «традиция» [2, с. 91]. Традиция, делают выводы исследователи, не тождественна историческому наследию, а есть лишь отобранная историческая память, результат актуального выбора, она «скорее избирается, творится, моделируется в соответствии с нынешними потребностями и стремлениями данной исторической ситуации» [6, с. 350], являясь продуктом реинтерпретации и конструирования прошлого. Традиции не складываются сами по себе, их создают, выбирают и отвергают люди, приписывая разную значимость и различные значения тем или иным явлениям и фрагментам прошлого на разных этапах исторического развития общности и для разных социальных групп данного общества.

Таким образом, признаётся конструктивная роль традиций в современной культуре и модернизирующихся обществах, установка на противопоставление традиции прогрессу и современности меняется на понимание диалектической взаимообусловленности традиции и инновации. Традиция – одна из современных форм регулирования социально–культурных процессов, взгляд в прошлое каким оно видится из настоящего, отбор и адаптация социальных практик и эс-

тетических образцов для нужд будущего – опять–таки, каким оно видится из настоящего: «традиция – это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [5, с. 106].

Традиции участвуют в динамическом процессе саморазвития общества, и даже в архаичных обществах они не вечны и не монолитны, поскольку в любом обществе традиция имеет свое начало, она откуда–то возникает, следовательно, некогда была инновацией. И то, с чем мы встречаемся или открываем для себя как инновацию, либо остаётся в современности и приживётся общественных практиках, став со временем традицией, либо не приживётся и исчезнет.

Зачем, в результате динамики культуры и общества, закрепится статус традиции, зависит от ряда факторов.

Длительность интервалов действия стереотипизированных форм опыта, которые имеют шанс стать традицией, сказываются на том, посчитаем мы их «ушедшей эпохой», «забытой традицией» или случайным и преходящим явлением.

То место, которое оставит явление социальной жизни в памяти, зависит от степени вовлеченности индивида в эту форму коллективного опыта, глубины эмоциональных переживаний всех обстоятельств участия в нем, и тотальная сила, которой обладает та или иная традиция для одной группы, для других будет незначительным фактом общей реальности. Кроме того, в отечественной культуре среди прочих существует особая установка сознания, выраженная и в социальных практиках, и в гуманитарных дискурсах: традиция плача по «забытым традициям», «разрушенных устоях» и «потерянными ориентирами» – тоже ведь своего рода традиция.

Можно сделать вывод, что среди прочих механизмов действия и действенности традиций важное место занимает избирательность индивидуальной и коллективной памяти (в некоторых случаях усиленной воображением), позволяющей сохранять актуальность пережитых форм опыта.

Если следовать подходу, обозначенному Шацким (см. выше), «когда в центре внимания отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование или протест против этого» [6, с. 284], то традицию можно определить как *комплексы впечатлений, мышления и поведения, которым придаётся позитивный статус при ассоциации индивидов с группой и при положительной оценке принадлежности к общественному наследию*. То есть сам человек определяет, что ему считать традицией. Проблема традиций оказывается тесно связанной с отношением современности к прошлому, при этом традиция – всегда вопрос выбора и результат отбора. Субъективно окрашенное и ценностное отношение современников к тому из прошлого, что им досталось, что сохранилось – артефактам и идеям, конструирует содержание традиции, позволяет включать или исключать из него те или иные реальности прошлого. Понимание избирательной природы традиции, сущности традиции, всегда связанной с реконструкцией и реинтерпретацией прошлого, приводит к важности исследования способов хранения и репрезентации образов и образцов прошлого, чувственных (в первую очередь, визуальных и, возможно, моторных) компонентов этих образов.

В конце прошлого века рядом российских ученых был особенно отчетливо обозначен отказ от «особого телеологического и аксиологического пафоса» в отечественных рефлексиях традиционной культуры и фольклора. Исследователи этого направления рассматривают сложившийся образ (почти в смысле «иконы») традиционной культуры как результат и следствие особой, отечественной, формы колониализма, когда «становление индустриального буржуазного общества вызывает к жизни не только идеологию рационализма и прогрессизма, но и «экзистенциальное беспокойство», страх перед «непредсказуемостью текущего настоящего», выражающийся, в частности, в превознесении «патриархальности» и «традиционности» [3, с. 77], и «необходимостью соотнести устойчивость и культурную «проверенность» традиции с «неустойчивостью» модернизации [1, с. 24].

Парадоксально, но, превратившись в оценочный (со знаком плюс) термин,

«традиция» санкционирует возникновение культурных форм, игнорирующих традицию, появление таких словесных и ментальных образований как «возрождение традиций» и связанных с ними социальных практик.

По той главной причине, что этничность и традиционность представляют собой идеологически мотивированные интеллектуальные конструкты, термин «традиция» по мнению А. Панченко «должен быть освобожден от многочисленных идеологических и мистических коннотаций, приписанных ему в XIX–XX вв.», ибо «как вчера, так и сегодня идеология превращает ценность традиции в козырную карту в подкрепление собственной ценности: соотнесение традиции и современности преследует в целом одну цель – судить о современности «с точки зрения традиции» [3, с. 81–82].

Введя индивидуально–психологическое измерение и проблему выбора, мы теперь понимаем, что тема традиции возникает и становится актуальной для общества в силу её связи с проблемой выбора индивидом «уютного» будущего и, следовательно, организации его сознания и памяти. Если обострить, проблема отношения к традиции – задача *поиска* будущего на основе *выбора* прошлого.

В состоянии относительной стабильности общества, традиции существуют на индивидуальном и бытовом уровнях, в локальных формах. Они способствуют обретению индивидами опоры и покоя, ясности жизненных выборов. Сфер и проявлений традиции в современной жизни много, они захватывают каждого человека. Любой, даже манифестирующий ускоренную модернизацию человек, все же опирается на какую–либо традицию, находя ориентиры в образцах поведения, пусть и нуждающихся в совершенствовании, таких же модернизаторов. И когда мы говорим о традиционной культуре, мы говорим о любой национальной культуре, любом обществе, в котором существуют та или иная доля социально–культурного производства и деятельности, функционирование которых определяют механизмы традиции.

Поиск опоры в традициях возникает при осмыслении повседневного социокультурного контекста как неустойчивого и ненадежного. Традиция позволяет

унять экзистенциальное беспокойство, позволяя извлекать из неё смысл, необходимый «для придания смысла самой повседневности» [1, с. 24.].

Традиция реализует спасительную для общества возможность символизировать социальную действительность, конструировать «символическую вселенную» (symbolic universe) за счет материальных и ментальных образований культуры, наделять смыслом социальную действительность. В той мере, в какой традиция встроена в повседневность, мы можем говорить о наличии или отсутствии смыслопорождающих структур в обществе.

Мир повседневной жизни формируется (навязывается) привычками, инерцией, стереотипами, подражанием, мифами и другими схемами деятельности из арсенала традиции. Повседневность наиболее традиционна и наименее пафосна.

Человек повседневный имеет достаточно скудные представления об исторической глубине и степени многообразия традиции, к которой он принадлежит по праву рождения, зато в силу случайности своего рождения попавший в определенную социальную среду, он усваивает окружающую его данность как традицию, как возможность и условия своей миссии в этой трансмиссии.

Список литературы

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. [Текст] Санкт–Петербург: «Искусство – СПб», 2001 г. – 438 с.
2. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. [Текст] М., Наука. Главная редакция восточной литературы: 1985.
3. Панченко А.А. Фольклористика как наука [Текст] //Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том I. Издательство Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва, 2005. – 448 стр., с.81–88.
4. Современный философский словарь [Текст] / Под редакцией д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова. Бишкек: 1996. – 608 с.
5. Чистов К.В. Фольклор [Текст] //Культурология. XX век. Энциклопедия.

В 2 т. Т. 2. СПб: Университетская книга, 1998. – 447 с.

6. Шацкий Е. Утопия и традиция. [Текст] М.: Прогресс, 1990. – 445 с.

7. Штомпка П. Социология социальных изменений. [Текст] Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

8. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973.